

Буддаль 19²² 54
№ 67

Дорогие папа и мама!

Мама с вашим письмом "энергично функционирует": вчера получила "следующее мне" ваше письмо от 11/II. Вскленив все усердие, как обещаете, напишу еще одно в ~~качестве~~ конце февраля, и если я успею получить его в начале марта — то с полным правом можно будет констатировать, что мы переписывались "до последней капли чернил". Помогай Боже! Но-че касаясь этого моего письма, то вряд ли вы на него успеете так ~~быстро ответить~~ ^{быстро ответить}, чтобы ~~я~~ ^я меня тут еще застал. Но я вам дам рецепт: как только вы получите мое уведомление о месте назначения, так сейчас-же напишите В.Т. Пешковой, с просьбой указать вам точный список данных пунктов данного направления, с обозначением сроков и условий приемности остановок. Если вы приложите марку на обратную — а я горячо советую вам сделать это — то вы получите от В.Т. прекрасную справку, из которой вы сможете извлечь все пожелания "поймать" меня в факте вашей письменной акции. Понятно? Затем: рекомендую при том или ином обратном адресе ~~сделать~~ ^{сделать} еще на конверте просьбу переслать письмо дальше по адресу, в случае некачественного адресата — я намекаю на себя в данном случае. Теперь вы ориентированы окончательно. Дено, что со своей стороны я дам вам знать о пути следования моего в новые назначения, или некакие — забудь, как тут полагается выражаться. — Что же вы пишете о маме, мне непонятно с одной стороны: разве какие-бы-то ни было родичи не привыкли уже к той простой аксиоме, что труд разлагается не по сценарии "Благородства", а по разным другим, но исключительно-рациональным критериям? Мне странно слышать, что бедная мама поргивает-бы, узнав о роде бедной судьбы. Или, может быть, дело просто идет о том, что эта ситуация трудна? А это ведь так! Я, между прочим, бываю не раз и не два в общесудебных сговорах, успеваю примоститься к работе персонала, и знаю, что это такое... И я имею основания думать, что после дня работы, бедная, вероятно, не в состоянии сразу замаяться тем нудом, — только выражается. Да, вероятно, эти и объясняет-ся то, что она редко пишет. Думаю, что не только редко пишет, но и редко читает... Впрочем, это сфера песни, коз и переделки —ная кое-в-чем на новый лад. — Описание вашей "английской вечеринки трех родичей" чудом

прокнуло меня. Ведь я, некоторым образом, являясь "виновником" этого торжества. В свое оправдание могу сослаться на совершенно неслыханное мной одобрение, сделавшее именно седьмое декабря — днем моего рождения. Я не виноват ни убого, ни робкого — явившего бога в святилище! Торгаша, скажите бедной маме, что я еще раз — когда уже? — изумлен и тронут этой внимательностью, которую я выказал — замечательную. И за себя, и за вас я ценю свою сердечную благодарность, и тогда бы, возможно, писал бы вам, если бы это не писанно, а устно. Надеюсь, что рано или поздно — а лучше рано — эта возможность представится. Вам всем, дорогие мои, спасибо! —

Одесса, вы полагаете, заморозит? Да, у нас вот сильные морозы, были, числа 12-го они окончились, а уже душно — совсем. А теперь, дней 5 уже как снова морозит, и сильно: 24° днем. Газеты, слава богу, обещают не меньше двух недель мороза — морозно, значит, пережить не сложно — завтра перемены: мороз от одесского — вот где он применен, а бы, да, скажи — неважно. Впрочем, все равно к наступающему этапу морозу, который войдет во вторую половину марта, морозов таких не будет, в этом я уверен. А уже, конечно, вам, хочется, чтоб весна вступила как следует.

Никак ничего нового у меня. Остающиеся мне две недели надеюсь провести так же, как и последние. Читается много, со вкусом. Вот теперь прочел 2 тома "мемуаров" (как полагает один из друзей) А. Б. Гольденвейзера о Л. Н. Толстом. Очень мне они понравились — все: и Гольденвейзер, и Толстой и "мемуары". Прочитав по-современному все Толстого в его философских вещах почти не читал, и не прочею. А в этих самых писаниях Гольденвейзера (он сам пишет) много интересного и живого о непосредственных высказываниях Толстого себе, — и по моему, Толстой в тысячу раз интереснее именно так — вблизи. Впрочем, м. б., я еще прочту когда-нибудь то из его вещей, к которым меня сейчас не хватает, и тогда мой взгляд на него может измениться. А еще раньше читал воспоминания Антонины Бамадановой о Циммервальде, тоже занятно, ну, и не забывая наук, конечно, научных работ, тоже много и сведений. Вот, значит, день пошел всякий, тремил. А те "поды" что остались в дне за вчерашний вечер, я запомнил всякими хозяйскими: так, се, — готовлюсь в дорогу.

Левя просит передать вам, что его крайне огорчили франк-постеры Андерсенов письма на почту. Он в нем еще раз уверял вас, что ему сейчас делать нечего, и что он просит передать, не посылать ему их на почту. Говорит он себя так, — да, да, лучше, чем в Андерсе, г. к. тогда погода все время сменялась, а теперь снова похолодало дождь-мороз. Это отразилось и на его чтении, — прочитал он целых 1500 страниц науки, в месяц. Как видите, тряхнул сфинксом. В марте он вам напишет два раза. Вот уже отбегает с идеи. Из этого он будет писать вам отрывки с наибольшей частотой, если вы не будете забавлять только от него, — то не реже 1-го раза в неделю. Но, конечно, это не значит, что вы будете получать эти отрывки — так же регулярно. Он пишет вам всего меньше, и — главное, — склеивает окончания, заны, которая делает ваше одиночество чуть-ли не абсолютным. Целую вас и Ксантию, добрых.

А я в своем письме, не помню, спрашивал ли вас: как с триппом? Ведь сейчас он гуляет, и я особенно боюсь за вас: в ваши молодые годы — только гуляла и не достает... Вы, конечно, сидите больше в Андерсе, но ведь вы и сидите и это не гарантирует. Надеюсь я, что вас эта морская болезнь не тронет.

От Гольденвейзера получил, наконец, письмо, — но без Римского. Бываю работаю по 12 часов в сутки, и, как она пишет, получаю много деловых писем, как в царств. Вот беда! Не знаю, может быть ей виднее, — но если эта работа сделана — а мной 12-ти часовая работа была не может — то зачем надо работать? Не лучше ли меньше зарабатывать, но не заботясь себя, как раньше? Ведь сейчас у нас еще, слава же господи, нет денег, даже тогда — А. Б. Г. Гольденвейзер, — что-то ради того так вынуждены из себя выжимать и соды? Где силы? В машинке Конейке? Так эта машинка Конейка не такая уж и удобная, а с ней отнимает много, неоправданно много. Чужа я рассуждаю слишком отвлеченно? Может быть. Но дело в том, что очень уже бросается в глаза несоответствие между тем, что и что-то, и если несоответствие это — глубокого характера, и если лечение его — изменение характера, основы, то все это правильно, но тем не менее вопрос о более тщательном введении пропорции труда и расходов его — это вопрос не столько о более общей поща-

-новкой. Меня очень легко обвинить в флюидотворении, отрывающем от конкретных условий. Мадно, я не спорю. Посмотрю только, как удастся — и судается ли — прийти к самому себе эту точку зрения. Во всяком случае, были люди во все времена, считавшие, что можно кем-то более жить, но иметь больше досуга, и не отдавая все свободное время труду во имя ничтожной прибавки в материальных удобствах.

Разогнавшись, я тоже — было подумывал рассуждать на всякие подобные чужие темы, но во-время остановился. Манюша флюидера мне совсем не подходит: и широка, и неудобна, и слишком обаятельна. Скидаю ее, к вашему великому облегчению.

На этот раз, как видите, письмо и короткое, и безапелляционное и недвусмысленное. Оправдываться не буду, сами знаете причины. Уверенно уверю вас и обещаю вам здоровый и счастливый. Думаю, что напишу еще один раз до отъезда, — а может быть, и все два. А получив телеграмму не Гельгольдерс: Это будет обещанная мной телеграмма о моем "курсе" в общих чертах, пожалуй.

Сердечный привет Бэне и ее маме, дяде Рене, Корнелии с вами Венере и вообще всем родным. Еще раз уверю вас

Ваш Вольф